

На правах рукописи

КАШИН ВЛАДИСЛАВ МАКСИМОВИЧ

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ И
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ПЕТРОГРАДА–ЛЕНИНГРАДА 1917–1932 ГГ. В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ**

Специальность 5.6.1 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород — 2026

Работа выполнена на кафедре социально-политических коммуникаций ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный руководитель

Обидина Юлия Сергеевна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-политических коммуникаций ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Официальные оппоненты

Шкаровский Михаил Витальевич

доктор исторических наук, главный архивист Санкт-Петербургского государственного казённого учреждения «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга»

Дворцов Григорий Иванович (игумен Герман)

кандидат исторических наук, настоятель (руководитель) Местной религиозной организации Православный Приход Свято-Благовещенского храма города Кохмы Ивановской области Иваново-Вознесенской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Ведущая организация

Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Защита состоится «26» ноября 2026 г. в 12 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета 99.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 103.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2026/1676/diss-Kashin-1676.pdf>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года.

Учёный секретарь

Диссертационного совета,

кандидат исторических наук, доцент

А.М. Абидулин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы связана с необходимостью осмысления религиозной жизни послереволюционной России. События Великой российской революции вызвали системный кризис, на фоне которого особенно остро проявилось противоречие между курсом советской власти на вытеснение религии из публичной сферы и «духовной весной», затронувшей значительную часть церковной и общественной жизни. В Петрограде–Ленинграде, сохранявшем значение крупного религиозного, интеллектуального и культурного центра, эти процессы проявились особенно отчётливо. Здесь возникли и развивались религиозные и религиозно-философские объединения, включая братства, союзы, общества и кружки.

Рассматриваемые объединения занимали особое место в общественной и духовной жизни раннесоветского периода. Они являлись одной из форм религиозной самоорганизации, через которую верующие, духовенство и религиозно мыслящая интеллигенция сохраняли каналы религиозной коммуникации, взаимопомощи, катехизации, просвещения, поддержки духовенства и передачи традиций в условиях разрушения прежних институтов и нарастающего административного давления.

Научная проблема исследования заключается в том, что сложившееся в историографии раздельное изучение религиозных и религиозно-философских объединений в рамках церковной истории и истории философской мысли препятствует их пониманию как целостного исторического феномена. При изолированном рассмотрении остаются невыявленными общие условия их возникновения, сходные функции и близкие способы адаптации к государственному давлению. Решение этой проблемы требует совместного рассмотрения религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда 1917–1932 гг. при сохранении конфессиональных и организационных различий.

Объект исследования: религиозные и религиозно-философские объединения Петрограда–Ленинграда в 1917–1932 гг.

Предмет исследования: процессы возникновения, функционирования и трансформации указанных объединений под влиянием государственной религиозной политики.

Цель исследования состоит в реконструкции процессов возникновения, функционирования, трансформации и свёртывания религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда 1917–1932 гг. как единого, но внутренне неоднородного феномена духовной самоорганизации, а также в выявлении механизмов воздействия на них государственной религиозной политики.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) Определить понятийно-теоретические рамки исследования и охарактеризовать источниковую базу.
- 2) Выявить исторический контекст и социокультурные предпосылки возникновения рассматриваемых объединений.
- 3) На материалах Петрограда–Ленинграда раскрыть формы и динамику подъёма религиозных и религиозно-философских объединений в послереволюционные годы.
- 4) Реконструировать и систематизировать комплекс факторов возникновения рассматриваемых объединений.
- 5) Установить степень и механизмы воздействия государственной религиозной политики на функционирование, трансформацию и свёртывание религиозных и религиозно-философских объединений, в том числе через их публичную дискредитацию и конструирование «образа врага».

Хронологические рамки исследования охватывают 1917–1932 гг. Нижняя граница связана с революционными событиями 1917 г., которые привели к слому прежней церковно-государственной модели и существенно изменили политико-правовые и социокультурные условия религиозной жизни. Верхняя граница определяется 1932 г., поскольку к этому времени в Ленинграде в основном завершилось свёртывание деятельности известных объединений под воздействием сужения «границ легального» и разгромных кампаний конца 1920-х — начала

1930-х гг. Эти рамки охватывают основной цикл возникновения, развития, адаптации, трансформации и прекращения деятельности объединений под воздействием государственной религиозной политики.

Территориальные рамки исследования охватывают Петроград–Ленинград в административных границах первой трети XX в. Выбор города связан с его значением как крупного церковного, религиозно-интеллектуального, университетского и культурного центра, а также с конфессиональным многообразием. В Петрограде–Ленинграде особенно наглядно проявились процессы религиозной самоорганизации, усиления государственного давления на религиозную сферу и адаптации верующих к новым условиям.

Под *религиозными объединениями* в диссертации понимаются негосударственные формы коллективной религиозной самоорганизации верующих, складывавшиеся вокруг задач совместной молитвенной, просветительской, благотворительной, катехизической, миссионерской или братской деятельности и выходившие за пределы обычной приходской и богослужебной жизни.

Под *религиозно-философскими* объединениями понимаются кружки, общества и иные устойчивые формы общения, в которых религиозная проблематика сочеталась с философской, культурной и мировоззренческой рефлексией. В исследование включены только те объединения, в деятельности которых религиозный компонент имел определяющее значение.

Религиозные и религиозно-философские объединения различались по организационным формам, конфессиональной принадлежности и исходным целям. При этом в Петрограде–Ленинграде 1917–1932 гг. они существовали в общем политико-правовом пространстве, выполняли частично совпадавшие религиозные, просветительские и компенсаторные функции и проходили близкие этапы трансформации под воздействием государственной религиозной политики.

Степень научной разработанности темы характеризуется значительным объёмом исследований, но вместе с тем внутренней неравномерностью и сохранением ряда исследовательских лакун. В диссертации выделены четыре

основных уровня историографии, охватывающие переход от общих вопросов государственной религиозной политики к региональным и локальным проявлениям религиозной жизни¹.

Первый уровень составляют работы по истории религиозной политики советской власти и государственно-конфессиональных отношений. В советской историографии религиозная активность рассматривалась преимущественно через идеологическую призму борьбы с «церковной контрреволюцией» и «религиозными пережитками». Это нашло отражение в работах П. А. Красикова, Б. П. Кандидова, Р. Ю. Плаксина и других авторов². В исследованиях 1970–1980-х гг. оценки становились более взвешенными, однако религиозная жизнь по-прежнему рассматривалась в рамках идеологически заданной схемы, что ограничивало возможность изучения повседневной жизни верующих и внутренней истории религиозных общин³.

На рубеже 1980–1990-х гг. пересмотр советского историографического наследия и расширение источниковой базы позволили обратиться к внутренней жизни религиозных общин.

В исследованиях В. А. Алексеева, М. Ю. Крапивина, О. Ю. Васильевой, М. И. Одинцова, Д. В. Поспеловского, А. Н. Кашеварова, М. В. Шкаровского, А. Л. Беглова и других авторов⁴ религиозная политика советского государства стала

¹ Прим. Предлагаемое деление на уровни не имеет иерархического характера и отражает поэтапное приближение исследовательского взгляда от общегосударственных сюжетов религиозной политики к региональным и локальным проявлениям религиозной жизни.

² Красиков П.А. На церковном фронте (1918–1923). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 311 с.; Кандидов Б.П. Церковь и Октябрьская революция. М.: Безбожник, 1929. 54 с.; Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. М.; Л.: Моск. рабочий, 1932. 94 с.; Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). М.: акц. изд-ское о-во «Безбожник», 1930. 148 с.; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции (1917–1923). М.: Наука, 1968. 192 с.

³ Иванов А.И., Лобазов П.К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М.: Знание, 1973. 64 с.; Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1981. 261 с.; Клочков В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. М.: Политиздат, 1982. 160 с.; Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М.: Наука, 1985. 174 с.

⁴ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.; Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. 100 с.; Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54; Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.; Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 327 с.; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.; Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2018. 352 с.

рассматриваться не только как система идеологических установок и репрессивных мер, но и как сложный процесс взаимодействия партийных и советских органов, силовых структур, церковных институтов, религиозных общин и самих верующих. Отдельное значение имеют работы, посвящённые неправославным конфессиям⁵ и правовому статусу религиозных организаций⁶.

Второй уровень включает исследования исторического, социально-политического и культурного контекста первых послереволюционных десятилетий, а также работы о религиозном возрождении начала XX в. Эти работы раскрывают среду, в которой формировались рассматриваемые объединения⁷.

Особое значение для настоящей диссертации имеют работы, раскрывающие кризис дореволюционной церковной жизни, феномен «духовной весны», религиозные поиски русской интеллигенции⁸. Эти исследования помогают объяснить, почему после 1917 г. возникал запрос на новые формы религиозного общения.

Третий уровень представлен региональными исследованиями религиозной жизни Петрограда–Ленинграда и Северо-Запада. Работы М. В. Шкаровского, Н. Ю.

⁵ Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 356 с.; Далгатова А.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: октябрь 1917-го — конец 1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2004. 40 с.

⁶ Володина Н.В. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в секуляризованном обществе: философско-правовой анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2004. 483 с.; Шершнева-Цитульская И.А. Правовой статус Русской православной церкви в Советском государстве (1917–1943 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. 225 с.; Архирейская Т.Ю. Правовые основы деятельности религиозных объединений в России: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2001. 192 с.; Ахмедов Р.М. Государство и церковь в российском обществе XX столетия: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2001. 171 с.; Пушанский В.В. Правовое регулирование функционирования Русской Православной церкви в России в XX в. (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2006. 178 с.; Проскурина А.В. Советское законодательство о религиозных культах в 1920-е–1930-е гг. // Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 99–105.

⁷ Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 216 с.; Синельникова Е.Ф. Власть и научные общества Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2013. 257 с.; Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 439 с.; Рожков А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2003. 493 с.

⁸ Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века: пер. с англ. 2-е изд., испр. Paris: YMCA-Press, 1991. 367 с.; Аксенов В.Б. Вера и массовое сознание: расцерковление россиян в 1907–1917 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 6 (39). С. 109–122; Кострюков А.А. Начало «духовной весны» или восхождение на Голгофу? // Свет Христов просвещает всех. 2018. Вып. 25. С. 28–42; Кравцов И.В., Янишевская И.В. Санкт-Петербургские религиозно-философские собрания (1901–1903): антиклерикализм или экуменизм // Вестник РХГА. 2013. № 3. С. 343–350.

Черепниной, М. А. Дроздовой, Р. И. Беккина⁹ важны для понимания конфессиональной структуры региона, положения православных, католических, протестантских, старообрядческих, мусульманских и иных общин, а также практики их взаимодействия с местными органами власти.

Четвёртый уровень включает исследования, посвящённые непосредственно послереволюционным религиозным и религиозно-философским объединениям — прежде всего братскому движению, православным братствам, старообрядческим, католическим и протестантским объединениям, а также религиозно-философским кружкам. В советский период эта проблематика практически не изучалась либо освещалась в идеологически заданном контексте борьбы с «церковной контрреволюцией». В качестве примера можно привести работу П. К. Зарина¹⁰, содержащую отдельные сведения о старообрядческом Братстве протопопа Аввакума.

Систематическое изучение этой проблематики началось в 1990-е гг. Значительный вклад в изучение православных объединений внесли М. В.

⁹ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб.: Лики России, 1995. 207 с.; Дроздова М.А. Советское государство и церковь в 1917–1927 гг.: по материалам Северо-Запада России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 2009. 227 с.; Шкаровский М.В., Черепнина Н.Ю. История Евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 384 с.; Шкаровский М.В., Черепнина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-Католическая Церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб.: Нестор, 1998. 315 с.; Шкаровский М.В. Из истории старообрядческой общины Громовского кладбища Санкт-Петербурга // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 313–350; Беккин Р.И. Мусульмане в советском Петрограде — Ленинграде (1917–1991). М.: Садра, 2017. 112 с.

¹⁰ Зарин П. К. Политическая маскировка религиозных организаций. М.: Гос. антирелиг. изд-во, 1934. 106 с.

Шкаровский¹¹, В. В. Антонов¹², С. А. Зегжда¹³, Ю. В. Балакшина¹⁴, А. Л. Беглов¹⁵. В их работах реконструирована история Александро-Невского братства, братства преподобного Серафима Саровского, приходских братств и духовных союзов, раскрыты формы участия мирян, особенности внутренней жизни, богослужебной практики, просветительской и благотворительной деятельности объединений. Особое значение для настоящей диссертации имеет статья М. В. Шкаровского¹⁶, посвящённая религиозно-философским кружкам, братствам и обществам Ленинграда в 1920-х гг. Значение этой работы состоит в совместном рассмотрении объединений, различавшихся по составу участников, идейной направленности и формам деятельности. Автор прослеживает организационные и личные связи Александро-Невского братства с «Воскресеньями», «Воскресниками» Б. М. Назарова, Братством преподобного Серафима Саровского и рядом других кружков. Предложенный М. В. Шкаровским исследовательский ракурс оказал существенное влияние на постановку темы настоящей диссертации. Вместе с тем последовательного сопоставления православных, старообрядческих, католических, протестантских и религиозно-философских объединений на протяжении всего периода 1917–1932 гг. в этой работе не проводится.

¹¹ Шкаровский М. В. Религиозно-философские кружки, братства и общества Ленинграда в 1920-х годах // Вестник РХГА. 2007. № 2. С. 247–252; Шкаровский М. В. Феномен Александро-Невского братства // Верующий разум. 2013. № 2. С. 17–31; Шкаровский М. В. Сто лет Александро-Невского братства: история и современность. СПб., 2018. 352 с.; Шкаровский М. В. Создание Александро-Невского братства в 1918–1919 годах // Православные братства в истории России: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: сб. науч. тр.: в 2 ч. М., 2018. Ч. 1. С. 43–66; Шкаровский М. В. Подвиг мученичества и исповедничества Александро-Невского братства (по архивным документам 1930-х годов) // Альманах СФИ. 2018. Вып. 25. С. 43–75; Шкаровский М. В. Нелегальная деятельность Александро-Невского братства в 1925–1932 гг. // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 187–207; Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские Духовные школы в XX–XXI вв. Т. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2015. 560 с.

¹² См.: Антонов В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее: исторический альманах. СПб., 1993. Вып. 15. С. 424–445; Антонов В. В. Братство преп. Серафима Саровского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1996. Вып. 16. С. 44–49, 93–99; Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова // Невский архив. СПб., 1999. Т. 4. С. 290; Антонов В. В. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 103–112.

¹³ Зегжда С. А. Александро-Невское Братство: добрым примером, житием и словом. СПб., 2009. 488 с.

¹⁴ Балакшина Ю. В. Православные братства новой исторической эпохи // Православные братства в истории России: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: сб. науч. тр.: в 2 ч. М., 2018. Ч. 1. С. 66; Балакшина Ю. В. Возрождение братского движения в Русской православной церкви как отклик на деяния Поместного собора 1917–1918 годов, задачи защиты православных святынь от поругания // Журнал Московской Патриархии. 2018. № 2. С. 60–65.

¹⁵ Беглов А. Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е годы: причины возникновения, типология и направления развития // Российская история. 2012. № 3. С. 91–104.

¹⁶ Шкаровский М. В. Религиозно-философские кружки, братства и общества Ленинграда в 1920-х годах // Вестник РХГА. 2007. № 2. С. 247–252.

В монографии Ф. А. Дорофеева¹⁷ послереволюционные братства рассмотрены в контексте более широкой истории братского движения, а исследования М. В. Литвинко, З. М. Дашевской и М. И. Феденко, Л. К. Александровой-Чуковой, С. С. Бычкова¹⁸ уточняют отдельные аспекты этой проблематики.

Региональный материал сборника «Православные братства в истории России»¹⁹ используется для сопоставления моделей церковно-общественной самоорганизации, направлений деятельности, социального состава и механизмов адаптации объединений к новым условиям.

Отдельные направления изучения связаны с религиозно-философскими объединениями. Так, А. В. Воронцов рассмотрел деятельность петроградского Братства св. Софии²⁰, а В. С. Брачев, И. А. Савкин, Ю. П. Медведев, Т. А. Богданова, Е. Ю. Кнорре и другие исследователи²¹ обращались к истории «Воскресений», «Вторников» и близких к ним религиозно-философских кружков.

Вместе с тем преобладающим остаётся кейсовый подход, при котором история конкретного объединения реконструируется либо внутри отдельной

¹⁷ Дорофеев Ф. А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Н. Новгород, 2006. 251 с.

¹⁸ Литвинко М. В. Государственная власть и Русская православная церковь в СССР в зеркале персональной истории (на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия (Егорова)): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2018. 175 с.; Дашевская З. М., Феденко М. И. Особенности совершения богослужений в практике Александро-Невского братства // Альманах СФИ. 2018. Вып. 25. С. 76–89; Александрова-Чукова Л. К. «Единение цвета науки и Церкви...», или До Петроградского процесса 1922 г. и после «Академического дела» 1929–1931 гг. (по материалам дневников митрополита Григория (Чукова)) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 324–396; Шеметов Н. [Бычков С. С.] Православные братства (1917–1945 гг.) // Вестник РСХД. 1980. № 131. С. 147–181.

¹⁹ Православные братства в истории России: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: сб. науч. тр.: в 2 ч. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2018. Ч. 1. 280 с.

²⁰ Воронцов А. В. Братство св. Софии в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 28–29. С. 206–215.

²¹ См.: Брачев В. С. Тайные общества в СССР. СПб.: Стомма, 2006. 387 с.; Брачев В. С. Масоны в России от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000. 397 с.; Савкин И. А. Дело о воскресении // М. М. Бахтин и философская культура XX века (Проблемы бахтинологии). СПб., 1991. Ч. 2. С. 106–121; Медведев Ю. П. «Воскресенье»: к истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4 (29). С. 82–90; Богданова Т. А. «Мы культивируем идеологию, которая не приемлется вовне» (из протоколов «Вторников») // Вестник РХГА. 2008. № 2. С. 192–212; Богданова Т. А. «Мы культивируем идеологию, которая не приемлется вовне» (из протоколов «Вторников») (окончание) // Вестник РХГА. 2009. № 1. С. 178–192; Богданова Т. А. «Я боюсь ее за ее гениальность» (из протоколов «Вторников»: «О еврействе») // Вестник Еврейского университета в Москве. 1998. № 1 (17). С. 204–218; Кнорре Е. Ю. (Константинова). Религиозно-философский кружок А. Мейера «Воскресение». Концепция идеальной общины в философии и жизненной практике // Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России: материалы международной конференции. М., 2019. С. 175–187; Дело А. А. Мейера / подгот. текста, вступ. заметка и примеч. И. Флиге, А. Даниэля // Звезда. 2006. № 11. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?nput=646&page=8> (дата обращения: 29.10.2025); Кашин В. М. «Вторники» и «Воскресенья»: к вопросу о существовании братства «Христос и свобода» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 116. С. 79–92.

конфессиональной традиции, либо в рамках религиозно-философской проблематики. Православные братства изучены значительно полнее, чем старообрядческие, католические и протестантские инициативы, а религиозно-философские объединения чаще рассматриваются отдельно от церковно-общественной среды. Поэтому в историографии недостаточно исследованы общие условия возникновения, сходные функции и близкие траектории трансформации разных типов объединений, существовавших в едином политико-правовом пространстве.

Отдельную проблему составляет опора многих прежних исследований преимущественно на следственные дела и мемуары, что вело к воспроизведению следственных схем, смещению близких объединений и закреплению спорных интерпретаций. Особенно показательны в этом отношении сюжеты, связанные с «Вторниками», «Воскресеньями» и так называемым братством «Христос и свобода», где сопоставление мемуаров, программных документов и следственных материалов уточняет ряд устоявшихся выводов²².

В современной историографии накоплен значительный материал по теме, однако религиозные и религиозно-философские объединения разных типов редко сопоставляются между собой. Недостаточно изучены общие причины их возникновения, изменения организационных форм и функций под воздействием государственной религиозной политики, а также роль правовых ограничений и механизмы формирования «образа врага». Таким образом, в избранных хронологических и предметных границах религиозные и религиозно-философские объединения Петрограда–Ленинграда ещё не становились предметом комплексного сравнительного исследования.

Методологическую основу исследования составляют принцип историзма, системный и сравнительно-исторический подходы, а также источниковедческая критика, проблемно-хронологический и типологический методы и метод исторической реконструкции. В качестве вспомогательных инструментов

²² Кашин В. М. «Вторники» и «Воскресенья»: к вопросу о существовании братства «Христос и свобода» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 116. С. 79–92.

используются юридико-исторический анализ, социально-психологический подход и элементы имагологии, применяемые при анализе нормативного регулирования, языка антирелигиозной кампании и процесса конструирования «образа врага».

Проблемно-хронологический метод использовался для прослеживания последовательности изменений. Сравнительно-исторический и типологический методы применялись при сопоставлении православных, старообрядческих, католических, протестантских и религиозно-философских объединений, выявлении их специфики и общих механизмов трансформации. Метод исторической реконструкции применялся при восстановлении неполных сюжетов по фрагментарным свидетельствам. При работе с материалами ГПУ–ОГПУ фактические сведения отделялись от следственных интерпретаций и обвинительных клише. Элементы социально-психологического анализа использовались для интерпретации мотивации участников. Отдельные положения концепции культурной травмы П. Штомпки использовались как вспомогательный инструмент при анализе связи между разрушением привычных норм и ростом потребности в религиозной самоорганизации. Элементы имагологии применялись при анализе конструирования «образа врага» в прессе и следственной документации.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные и неопубликованные материалы, отражающие процессы возникновения, функционирования, трансформации и свёртывания религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда в 1917–1932 гг. По характеру и исследовательскому назначению они разделены на несколько основных групп.

Первую группу составляют нормативно-правовые акты и опубликованные сборники документов по истории государственно-конфессиональных отношений. Нормативно-правовые акты отражают эволюцию правового режима и постепенное сужение допустимого пространства религиозной активности. Особое значение имеют декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», постановления и инструкции, регламентировавшие порядок регистрации обществ, союзов и религиозных объединений в 1921–1923 гг., а также постановление 1929 г.

«О религиозных объединениях»²³. Их сопоставление с правоприменительной практикой показывает, что регистрация, сохраняя значение формы легализации, всё чаще использовалась для контроля и ограничения деятельности объединений. Для реконструкции общего контекста государственной религиозной политики в исследовании также привлекаются опубликованные сборники документов²⁴, включающие материалы, отражающие практику реализации антирелигиозного курса.

Вторую группу образуют внутрицерковные документы, включающие воззвания патриарха и соборные определения²⁵. Внутрицерковные документы отражают реакцию церковной среды на революционный кризис, антирелигиозную политику и изменение положения верующих. Возникновение религиозных объединений соотносится в них с оживлением приходской жизни, усилением роли мирян и призывами церковного руководства к защите Церкви.

Третью группу составляют материалы следственных дел ГПУ–ОГПУ, хранящиеся в Архиве УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области²⁶. Это наиболее сложный и одновременно наиболее информативный комплекс источников. В нём содержатся сведения о составе объединений, местах

²³ Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: принят 20 января (2 февраля) 1918 г., опубликован 23 января (5 февраля) 1918 г.; Постановление Петроградского губисполкома «О регистрации обществ, союзов, церковных и религиозных объединений, действующих в городе Петрограде и Петроградской губернии» от 27 августа 1921 г. // Вестник Петросовета. 1921. № 35. 27 августа; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. Т. 1: 1917–1924 гг. Кн. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2018; Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Инструкция по регистрации обществ, союзов и объединений» // Там же; Постановление НКЮ РСФСР и НКВД РСФСР от 15 апреля 1923 г. «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» // Там же; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

²⁴ Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. Т. 1: 1917–1924 гг. Кн. 2: Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / отв. сост. М. И. Одинцов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 670 с.; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 кн. / сост. Г. Штриккер. М.: Пропилей, 1995.

²⁵ Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: сб. документов / сост. А. В. Цыпин. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1994. 432 с.; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти (1917–1943) / сост. М. Е. Губонин. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1994. 1064 с.; «В годину гнева Божия...»: послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / сост. Н. А. Кривошеева. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2009. 296 с.

²⁶ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-68567; П-81782; П-88399; П-81213; П-71897; П-79521; П-111999; П-87890; П-82333.

встреч, формах общения, тематике докладов, внутренних конфликтах и обстоятельствах разгрома. Для исследования особое значение имеют дела, связанные с Александро-Невским братством, Братством преподобного Серафима Саровского, «Космической академией наук», старообрядческим Братством протопопа Аввакума, католическими, протестантскими, мусульманскими и иными религиозными группами.

В ряде случаев использовались опубликованные следственные материалы. Так, значительная часть сведений о «Воскресеньях» связана со следственным делом П-81782, которое не выдавалось в связи с неудовлетворительным состоянием²⁷. Поэтому при изучении этого объединения использовались опубликованное обвинительное заключение и другие опубликованные материалы, сопоставленные с мемуарами участников и протоколами заседаний «Вторников»²⁸.

В работе также используются опубликованные фрагменты следственных материалов. К их числу относятся следственные показания митрополита Мануила (Лемешевского)²⁹, содержащие сведения о жизни Спасского братства после разгрома в 1922 г., а также материалы, опубликованные М. В. Шкаровским в работах по истории Александро-Невского братства³⁰, католической³¹ и протестантской³² церковью на Северо-Западе России.

Следственные материалы идеологически ангажированы и субъективны. При критическом использовании они дают сведения о структуре объединений, роли лидеров и участников, динамике внутренней жизни и изменении отношения властей к этим группам. Сопоставление с мемуарами, периодикой и внутрицерковными документами помогает отделить следственные интерпретации

²⁷ Ответ Службы регистрации и архивных фондов ФСБ России от 03.06.2022 № 10/46-К-2058/438.

²⁸ Дело А. А. Мейера / публ., подгот. текста, вступ. заметка и примеч. И. Флиге, А. Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 157–207. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?nput=646&page=8> (дата обращения: 29.10.2025); ОР РНБ. Ф. 601. Фонд семьи Половцевых. Ед. хр. 1584–1588.

²⁹ Кривошеева Н. А., Королева Е. М. Роль епископа Мануила (Лемешевского) в разгрома обновленчества в Петрограде // Вестник ПСТГУ. 2009. № 33. С. 101–143.

³⁰ Шкаровский М. В. Подвиг мученичества и исповедничества Александро-Невского братства (по архивным документам 1930-х годов) // Альманах СФИ. 2018. Вып. 25. С. 43–75; Шкаровский М. В. Сто лет Александро-Невского братства: история и современность. СПб., 2018. 352 с.

³¹ Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю., Шикер А. К. Римско-Католическая Церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб.: Нестор, 1998. 315 с.

³² Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю. История Евангелическо-лютеранской церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 384 с.

от фактических сведений и соотнести изменение риторики с ужесточением антирелигиозной кампании конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Четвёртую группу образуют иные архивные материалы. Особое значение имеют протоколы заседаний «Вторников», хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде семьи Половцевых³³. По протоколам прослеживается внутренняя эволюция «Вторников» и «Воскресений». К этому же комплексу относится документ от 20 августа 1921 г., обозначенный в архиве как «программа религиозно-философского общества» и атрибутируемый автором как вероятная программа «Вторников»³⁴. Его сопоставление с протоколами заседаний уточняет мотивы, цели и отдельные стороны внутренней жизни объединения. Важное значение имеют также дневник и письма Л. А. Мейер³⁵, где зафиксированы повседневная жизнь подпольной монашеской общины при Александро-Невском братстве, духовные поиски автора и её наблюдения за своим отцом — А. А. Мейером, одним из создателей «Вторников» и «Воскресений». Дневник и письма Л. А. Мейер дополняют протокольную документацию сведениями о личной и эмоциональной стороне жизни объединений.

Существенное значение имеют регистрационные материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), прежде всего документы фонда Р-1001. В регистрационных материалах отражена легальная сторона деятельности отдельных объединений, включая их уставные цели, состав учредителей, заявленные направления работы и переписку с административными органами. Особенно важны материалы по истории Ленинградского старообрядческого братства имени протопопа Аввакума³⁶, а также дела регистрационного стола по ряду религиозных обществ, союзов, курсов и общин³⁷. Эти документы отражают прежде всего ту сторону деятельности, которую

³³ ОР РНБ. Ф. 601. Фонд семьи Половцевых. Ед. хр. 1584–1588.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Фонд семьи Половцевых. Ед. хр. 1591. Л. 1.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 601. Фонд семьи Половцевых. Ед. хр. 1602.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 8. Д. 60.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 8. Д. 60; ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 7. Д. 10, 16, 17, 33, 48, 54, 56; Оп. 8. Д. 4, 35, 50, 51, 52, 65, 70, 76; Оп. 9. Д. 2.

объединения были готовы показать властям, поэтому особенно значимы в сопоставлении со следственными делами и источниками личного происхождения.

Пятую группу составляют источники личного происхождения. К ним можно отнести воспоминания церковного историка А. Э. Краснова-Левитина³⁸, петербургского историка и краеведа Н. П. Анциферова³⁹, Н. А. Мещерского⁴⁰, сестер М. Ф. Андреевой и А. Ф. Можанской (урожденной Андреевой)⁴¹, академика Д. С. Лихачева⁴², О. И. Ясевич⁴³, Е. Н. Федотовой⁴⁴, писателя Б. А. Филиппова (Филистинского)⁴⁵, В. Ф. Марцинковского⁴⁶, протоиерея Д. Константинова⁴⁷, И. М. Андреевского⁴⁸, дочери А. А. Мейера – Л. А. Дмитриевой⁴⁹.

К этой группе источников также относятся письма руководителей Александро-Невского братства, отправленные из мест заключения и ссылки, в том числе митрополита Гурия (Егорова)⁵⁰, архиепископа Иннокентия (Тихонова)⁵¹, архимандрита Льва (Егорова)⁵², а также письма и дневник архимандрита Варлаама (Сацердотского)⁵³. Они помогают восстановить внутреннюю жизнь общин и передать атмосферу тех лет.

К источникам мемуарно-биографического характера относится книга митрополита Иоанна (Вендланда)⁵⁴, духовного сына митрополита Гурия (Егорова).

³⁸ Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы, 1925–1941: воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977. 460 с.

³⁹ Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний // Память: исторический сборник. Париж, 1981. Вып. 4. С. 55–152.

⁴⁰ Мещерский Н.А. Отрывки воспоминаний // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991. Вып. 6. С. 34–37.

⁴¹ Андреева М.Ф., Можанская А.Ф. По прочтении «Синодика» // Вестник ПСТГУ. 2010. № 34. С. 59–83.

⁴² Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.

⁴³ Ясевич О.И. Из воспоминаний // Память: исторический сборник. Париж, 1978. Вып. 1. С. 93–158.

⁴⁴ Федотова Е.Н. Из воспоминаний о Г.П. Федотове // Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1982. С. 453–458.

⁴⁵ Филиппов Б.А. Всплывшее в памяти: рассказы, очерки, воспоминания. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 391 с.

⁴⁶ Марцинковский В.Ф. Записки верующего: из истории религиозного движения в Советской России, 1917–1923. М.: Книга по требованию, 2016. 324 с.

⁴⁷ Константинов Д. Через туннель XX столетия. М., 1997. С. 92–95.

⁴⁸ Андреевский И.М. Путешествие в Саров и Дивеево в 1926 г. // Серафимо-Дивеевские предания. М., 2006. С. 542–565.

⁴⁹ Об Александре Александровиче Мейере (1875–1939) // Вестник РСХД. 1990. № 159. С. 139–173.

⁵⁰ Зегжда С.А. Указ. соч. С. 50–121.

⁵¹ Там же. С. 122–204.

⁵² Там же. С. 216–219.

⁵³ Там же. С. 244–352.

⁵⁴ Иоанн (Вендланд К. Н.). Князь Федор (Черный); Митрополит Гурий (Егоров): исторические очерки. Ярославль: ДИА-пресс, 1999. 190 с.

В ней приводятся сведения о жизни митрополита Гурия, его участии в Александро-Невском братстве и отдельных сторонах внутренней жизни объединения.

Наряду с письменными источниками личного происхождения в исследовании использованы записанные В. Д. Дувакиным в 1973 г. беседы с М. М. Бахтиным⁵⁵. Они содержат сведения о философских и религиозно-философских кружках, домашних собраниях, личных контактах М. М. Бахтина с А. А. Мейером и обстоятельствах его привлечения по делу «Воскресений».

Эго-документы субъективны и могут содержать ретроспективные искажения и следы самоцензуры. Вместе с тем они необходимы для реконструкции мотивации участников, повседневной жизни и внутренней атмосферы объединений, слабо отражённых в делопроизводственных и следственных материалах.

Шестую группу составляют материалы периодической печати, которые дают возможность сопоставить церковный и светский дискурсы. В их составе условно можно выделить два основных комплекса изданий.

К первому относятся церковные и относительно независимые от советской власти издания. Среди них: «Всероссийский церковно-общественный вестник», «Известия по Петроградской епархии», «Прибавления к Церковным ведомостям», «Церковные ведомости», «Новая жизнь», «Петроградский голос», «Знамя Христа», «Новое слово», «Богословский вестник»⁵⁶.

Второй комплекс составляют советские газеты и журналы, выступавшие в качестве рупоров проводимой религиозной политики: «Петроградская правда», «Красная газета», «Ленинградская правда», «Красная панорама», «Безбожник» и «Комсомольская правда»⁵⁷. Именно на страницах этих изданий наиболее наглядно раскрываются механизмы формирования «образа врага» в отношении религиозных и религиозно-философских объединений.

⁵⁵ Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным / вступ. ст. С. Г. Бочарова, В. В. Радзишевского; заключ. ст. В. В. Кожинова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 342 с.

⁵⁶ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917–1918; Известия по Петроградской епархии. 1917–1918; Прибавления к Церковным ведомостям. 1918; Церковные ведомости. 1917–1918; Новая жизнь. 1918; Петроградский голос. 1917–1918; Знамя Христа. 1918; Новое слово. 1918; Богословский вестник. 1918.

⁵⁷ Петроградская правда. 1922; Красная газета. 1918; Ленинградская правда. 1928–1929; Красная панорама. Л., 1929; Безбожник. 1929, 1931; Комсомольская правда. 1928.

Отдельно следует выделить издания, связанные с самими объединениями. К ним относятся два номера журнала «Свободные голоса»⁵⁸, издававшегося А. А. Мейером и Г. П. Федотовым. Эти материалы уточняют программные установки и представления участников о целях объединений.

Седьмую группу составляют художественные тексты участников объединений. В них отразились представления авторов об атмосфере религиозной жизни, духовных поисках и переживании послереволюционных потрясений. Роман И. В. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Лебединая песнь»⁵⁹ содержит фрагментарные сведения о внутренней жизни Александро-Невского братства. Рассказы Б. А. Филиппова (Филистинского)⁶⁰ уточняют отдельные аспекты жизни религиозно-философских объединений, связанных с деятельностью С. А. Аскольдова.

Специфика источниковой базы обусловлена природой самого объекта исследования. Многие братства, кружки и общества не имели архивов либо сознательно ограничивали фиксацию своей деятельности. По мере сужения «границ легального» протоколы, переписка и программные материалы скрывались, уничтожались или утрачивались, а значительная часть сведений об объединениях сохранилась в документах репрессивных органов. Неравномерная сохранность материалов по отдельным конфессиям влияет на степень полноты реконструкции конкретных кейсов, но не исключает возможности их сопоставительного анализа. Сохранившиеся источники позволяют с различной степенью полноты реконструировать историю отдельных объединений и выявить общие условия их существования, функции и механизмы трансформации.

Научная новизна исследования состоит в сопоставительном рассмотрении религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда 1917–1932 гг. как единого, но внутренне неоднородного феномена духовной самоорганизации. Такой подход позволил выйти за пределы их раздельного изучения в рамках конфессиональных, церковно-исторических, биографических и

⁵⁸ Свободные голоса. СПб., 1918. № 1; Свободные голоса. СПб., 1918. № 2.

⁵⁹ Головкина (Римская-Корсакова) И. В. Лебединая песнь (Побежденные): роман. СПб.: ИГ «Лениздат», 2018. 992 с.

⁶⁰ Филиппов Б.А. Избранное. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984. 400 с.

религиозно-философских сюжетов. Выявлены и систематизированы общие предпосылки и факторы возникновения объединений, установлены сопоставимые формы их деятельности и способы адаптации к изменению государственной религиозной политики.

Выделены организационный, функциональный и идейно-мотивационный уровни трансформации объединений. Показано, как сужение «границ легального», административное и репрессивное давление изменяли их внутреннее устройство, направления деятельности и установки участников. При сохранении конфессиональных и организационных различий происходило частичное типологическое сближение двух форм духовной самоорганизации. Религиозные объединения приобретали черты малых закрытых сообществ, тогда как часть религиозно-философских кружков по характеру деятельности приближалась к религиозным объединениям. На материалах следственных дел и печати раскрыты механизмы конструирования «образа врага» и показана его роль в обосновании преследования объединений. Уточнена периодизация их развития и свёртывания деятельности в связи с изменением правового режима и ужесточением государственной религиозной политики.

В исследовании систематизирован корпус источников, ранее использовавшихся преимущественно раздельно. В научный оборот введён ряд ранее не привлекавшихся источников. Среди них — документ от 20 августа 1921 г., который автор атрибутирует как вероятную программу «Вторников», дневник и личная переписка Л. А. Мейер (Дмитриевой). В работе также использованы малоизвестные публикации 1920-х гг. и художественные тексты участников объединений. Сопоставление этих материалов позволило уточнить ряд датировок и интерпретаций, а также реконструировать отдельные стороны внутренней жизни объединений, прежде освещавшиеся лишь фрагментарно. Анализ газетных публикаций выявил основные приёмы публичной дискредитации рассматриваемых объединений и закономерности формирования «образа врага».

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в уточнении места религиозных и религиозно-философских объединений в

общественной и духовной жизни первых послереволюционных десятилетий и в обосновании их сопоставительного изучения. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении религиозной жизни советской России, истории государственно-конфессиональных отношений, религиозной жизни Петрограда–Ленинграда, а также в учебных курсах и спецкурсах по отечественной истории, религиоведению, истории культуры и краеведению Санкт-Петербурга.

Положения, выносимые на защиту:

1. Подъём религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда в 1917 г. — начале 1920-х гг. разворачивался в русле процессов, обозначаемых в историографии как «религиозная революция» и «духовная весна». Его важнейшими предпосылками стали распад прежней церковно-государственной системы, кризис церковных институтов и временная либерализация общественной и церковной сферы после Февраля 1917 г., расширившая пространство мирянских инициатив и усилившая роль мирян и интеллигенции в религиозной жизни. Это способствовало появлению и развитию новых форм религиозной самоорганизации.

2. Религиозные (православные, старообрядческие, католические, протестантские) и религиозно-философские объединения Петрограда–Ленинграда 1917–1932 гг. целесообразно рассматривать совместно как внутренне неоднородные, но взаимосвязанные формы общественной и духовной самоорганизации. При различии конфессиональной принадлежности и исходных целей они существовали в сходных условиях, выполняли частично совпадавшие и типологически сопоставимые функции, а также обнаруживали сходные механизмы трансформации под давлением государственной религиозной политики. Эти структуры частично восполняли те функции церковной и общественной жизни, которые в новых условиях оказались ослаблены или вытеснены из публичной сферы.

3. Возникновение религиозных и религиозно-философских объединений определялось взаимодействием политико-правовых, социально-экономических,

внутриконфессиональных и культурно-просветительских факторов при определяющем значении правового режима и динамики государственной религиозной политики. Социально-экономические потрясения 1918–1922 гг., включая голод и разрыв привычных социальных связей, формировали устойчивый запрос на взаимопомощь, духовную поддержку и коллективные формы религиозной самоорганизации. Внутрицерковные процессы, связанные с оживлением приходской жизни, решениями Поместного Собора 1917–1918 гг. и призывами церковного руководства к активному участию мирян в церковной жизни, задавали нормативно-мотивационную основу низовой мобилизации. При этом конфессиональные различия определяли разные акценты в направлениях деятельности. Существенную роль играли культурно-просветительские ограничения, а также монополизация государством молодёжного и информационного пространства, побуждавшие к формированию альтернативных каналов передачи знаний и коммуникации.

4. Одним из основных инструментов государственного воздействия на религиозные и религиозно-философские объединения стало последовательное оформление и сужение «границ легального» через постоянное усложнение процедуры регистрации и систему административных ограничений. Нормативные акты 1921–1923 гг. и 1929 г., а также решения местных органов власти усложняли процедуру регистрации, расширяли основания для отказа и усиливали контроль за составом учредителей и формами деятельности, делая правовое поле всё менее доступным для инициатив, выходивших за пределы традиционной приходской жизни. Ограничения в первую очередь затрагивали церковно-общественные функции (благотворительность, катехизацию, религиозное воспитание детей и молодёжи), вытесняя значимые виды активности за «границы легального». В этих условиях легализация всё чаще превращалась в механизм надзора и сдерживания, побуждая объединения либо избегать регистрации, либо совмещать внешне допустимые формы с непубличными и полулегальными практиками.

5. Трансформация религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда в 1917–1932 гг. была многоуровневой и, несмотря на

различие исходных задач объединений, имела повторяющиеся черты. На организационном уровне происходили сокращение публичности, усиление закрытости, перестройка внутренних связей и форм коммуникации. На функциональном уровне объединения брали на себя те направления церковной и общинной жизни, которые последовательно вытеснялись из публичного пространства, включая религиозное воспитание детей и молодёжи, богословское просвещение, подготовку духовенства, благотворительность и поддержку репрессированных священнослужителей. На идейно-мотивационном уровне усиливалась ориентация объединений на сохранение церковной жизни и передачу традиций, что придавало этим формам самоорганизации большую устойчивость в условиях нарастающего давления.

6. В 1920-е — начале 1930-х гг. административное регулирование, репрессивные кампании и публичная дискредитация религиозной самоорганизации в совокупности образовывали взаимосвязанный механизм давления на религиозные и религиозно-философские объединения Петрограда–Ленинграда. Конструирование «образа врага» в прессе и следственной документации делало организованные инициативы за пределами прихода объектом повышенного подозрения и использовалось для обоснования мер по их административному и репрессивному преследованию. Это ускорило свёртывание объединений в 1928–1932 гг. и привело к фактическому прекращению деятельности большинства из них.

Соответствие паспорту специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.1 — «Отечественная история», в частности следующим областям исследования:

п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов»;

п. 13 «История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России»;

п. 24 «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения».

Степень достоверности исследования обеспечивается сопоставлением источников различного происхождения (нормативные акты, внутрицерковные документы, следственные материалы, архивные материалы, периодика, эго-документы) и применением внешней и внутренней критики. Особое внимание уделено сопоставлению «директивного» и «практического» уровней, возможной институциональной предвзятости следственных материалов и селективности мемуарных свидетельств.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях автора, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК. Публикации охватывают ключевые аспекты исследования: историю православных братств, религиозно-философских кружков, конфессиональное многообразие объединений Петрограда–Ленинграда, изменение государственной религиозной политики и механизм формирования «образа врага». Результаты работы были представлены и обсуждены на научных конференциях, в том числе: III Всероссийской научно-богословской конференции «Восток и Запад в духовной культуре России: диалог и противостояние (от Александра Невского до наших дней)» (Нижний Новгород, 2021); VIII Всероссийской научной конференции молодых учёных, студентов и учащихся «Vita memoriae: Теория и практики исторических исследований» (Нижний Новгород, 2021); XXVII научной конференции студентов и молодых исследователей «Пироговские чтения» (Нижний Новгород, 2021); XXXII Рождественских православно-философских чтений «Русское православие и славянство» (Нижний Новгород, 2023); XXXIII Рождественских православно-философских чтений «Русское православие и евразийство» (Нижний Новгород, 2024).

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность исследования, определена научная проблема, сформулированы объект и предмет, цель и задачи диссертации, хронологические и территориальные рамки, а также методологические основания работы. Дана краткая характеристика степени научной разработанности темы и источниковой базы, при этом обосновано вынесение их подробного анализа в отдельную теоретико-историографическую и источниковедческую главу.

В первой главе – *«Теоретико-историографические и источниковые основания исследования»* определены теоретические, историографические, источниковедческие и понятийные основания работы.

В первом параграфе – *«Основные направления научной разработки темы»* историография проанализирована по четырём исследовательским уровням; обоснован вывод о её внутренней неравномерности и о преобладании кейсового подхода, затрудняющего выявление общих условий возникновения, функционирования и трансформации объединений.

Во втором параграфе – *«Источниковая база исследования»* охарактеризованы семь групп источников и обоснована необходимость их перекрёстной проверки с учётом ограничений источниковой базы.

В третьем параграфе – *«Понятийные основания изучения религиозных и религиозно-философских объединений»* рассмотрена терминологическая неопределённость, связанная с употреблением понятий «религиозные объединения», «религиозно-философские объединения», «братства», «кружки» и близких им категорий. В историографии и источниках эти понятия употребляются неодинаково, а обозначаемые ими явления нередко пересекаются. В связи с этим в диссертации уточнены критерии разграничения религиозных и религиозно-философских объединений как близких, но не тождественных форм духовной самоорганизации. Здесь же определено содержание аналитических категорий, используемых в последующих главах: «факторы возникновения», «границы легального», «образ врага» и «трансформация». Категория «границы легального»

обозначает подвижное соотношение дозволенного, терпимого и запрещённого, определявшееся как нормативными актами, так и практикой их применения.

Во второй главе – *«Исторический контекст, предпосылки и факторы возникновения религиозных и религиозно-философских объединений»* рассмотрены исторический контекст, предпосылки и факторы возникновения объединений.

В первом параграфе – *«Предпосылки появления послереволюционных религиозных и религиозно-философских объединений: „религиозная революция“ и её истоки»* раскрыты предпосылки появления послереволюционных объединений. Их возникновение было связано с кризисом синодальной модели, дореволюционным религиозно-философским поиском, петербургской традицией кружковой и братской самоорганизации, церковными преобразованиями 1917 г. и оживлением религиозной жизни в разных конфессиях. Православные братства, объединения иных конфессий и религиозно-философские кружки стали различными ответами на кризис прежних институтов, разрушение привычных общественных связей и рост потребности в религиозном общении, просвещении, взаимопомощи и духовной поддержке.

Во втором параграфе – *«Подъём религиозных и религиозно-философских объединений в Петрограде»* рассмотрен подъём религиозной самоорганизации в 1917 г. — начале 1920-х гг. В этот период Петроград был одним из её ключевых центров в советской России. Этому способствовали статус города как крупного центра интеллектуальной и духовной культуры, традиция кружковой и братской самоорганизации и сохранявшиеся в первые послереволюционные годы возможности для открытой деятельности объединений. Перенос столицы в 1918 г., сопровождавшийся в 1918–1920 гг. управленческим разрывом и временным ослаблением административного контроля, способствовал более длительному сохранению в городе публичных и полупубличных форм религиозной самоорганизации. В городе сложился широкий спектр православных братств, старообрядческих, католических и протестантских объединений, религиозно-философских кружков и неформальных групп религиозной интеллигенции. При различиях в конфессиональной принадлежности, внутренней структуре и степени

вовлечённости в церковную жизнь эти объединения выполняли близкие функции, связанные с религиозным общением, просвещением, взаимопомощью, духовной поддержкой и сохранением традиции. Сходство условий существования, функций и внутренних связей при сохранении конфессиональных и организационных различий подтверждает возможность их совместного рассмотрения как единого, хотя и внутренне неоднородного феномена религиозной жизни.

В третьем параграфе – «Факторы возникновения религиозных и религиозно-философских объединений» систематизированы основные группы факторов, обусловивших появление рассматриваемых объединений.

В подпункте 3.1 к политико-правовым факторам отнесены изменение режима церковно-государственных отношений, кратковременное расширение пространства мирянских и общественно-религиозных инициатив после Февральской революции и последующий переход от либерализации к административному контролю.

В подпункте 3.2 социально-экономические и культурные условия рассмотрены через последствия Первой мировой войны, революций, Гражданской войны, голода, разрухи и разрыва привычных социальных связей. Эти обстоятельства усиливали потребность в благотворительности, взаимопомощи, духовной поддержке, общении с единомышленниками и совместном осмыслении происходивших перемен.

В подпункте 3.3 рассмотрены внутрицерковные и конфессиональные факторы возникновения объединений. Особое внимание уделено оживлению приходской жизни, решениям Поместного Собора 1917–1918 гг., расширению участия мирян и поиску новых форм церковно-общественной самоорганизации. Православная, старообрядческая, католическая и протестантская среды по-разному реагировали на революционный слом и изменение положения религии в обществе. При этом в них складывались сходные формы самоорганизации, связанные с религиозным просвещением, взаимопомощью, поддержанием общинных связей и сохранением религиозной традиции.

В подпункте 3.4 раскрыта роль интеллектуально-просветительского фактора. Запрет религиозного обучения несовершеннолетних, закрытие духовных учебных заведений, монополизация государством образовательного и молодёжного пространства, информационный вакуум и цензурные ограничения усиливали потребность в альтернативных каналах передачи знаний, ценностей и религиозной традиции. Религиозно-философские кружки, братства и иные объединения становились площадками просвещения, общения, обсуждения религиозных вопросов и сохранения культурной преемственности.

Третья глава – *«Трансформация религиозных и религиозно-философских объединений в контексте государственной религиозной политики»* посвящена анализу трансформации объединений под воздействием государственной религиозной политики. Сужение правового поля, усложнение регистрационного режима, усиление административного контроля, антирелигиозные и репрессивные кампании ограничивали деятельность объединений и определяли направления их внутренней трансформации.

В первом параграфе – *«Религиозная политика и „границы легального“»* рассмотрено значение этой категории для анализа трансформации объединений в 1920-е гг. Изменение нормативных актов и регистрационной практики последовательно сужало правовое пространство их деятельности. В начале рассматриваемого периода регистрация обеспечивала объединениям легальный статус, но одновременно использовалась для контроля за их составом и направлениями деятельности. Принятие постановления «О религиозных объединениях» 1929 г. усилило ограничения и существенно сократило возможности для легального существования объединений. По мере ужесточения политики пространство открытой деятельности объединений сужалось, что вынуждало часть из них переходить к менее заметным для власти формам деятельности. Сужение «границ легального» стало одним из основных механизмов воздействия советской власти на религиозную жизнь и фактором трансформации объединений Петрограда–Ленинграда.

Во втором параграфе – «Трансформация религиозных и религиозно-философских объединений под влиянием религиозной политики» рассмотрены направления их многоуровневой трансформации под воздействием сужения «границ легального», административного контроля и репрессивного давления. Показано, что по мере ограничения легальной религиозной жизни объединения переходили от открытой деятельности к частным, полуполюгальным и подпольным формам работы. Религиозные объединения сосредоточивались на тех направлениях религиозной жизни, которые ограничивались или вытеснялись из публичной сферы: религиозном воспитании детей и молодёжи, богословском просвещении, миссионерской и благотворительной деятельности, сохранении монашеской традиции.

Иное направление трансформации прослеживается в религиозно-философских объединениях. Литературные, интеллектуальные и общественно-политические кружки постепенно обращались к религиозной и церковной проблематике, приобретали более устойчивую организацию и усиливали конспирацию. В некоторых из них этот процесс сопровождался политизацией, формированием критического отношения к советской власти и сближением с оппозиционными течениями в церковной среде. Вместе с тем изменения определялись не только государственной политикой, но и внутренними религиозными поисками участников, позицией руководителей и особенностями каждого объединения.

Сопоставление религиозных объединений разных конфессий с религиозно-философскими объединениями позволило выявить их частичное типологическое сближение. Религиозные объединения приобретали черты малых закрытых сообществ, тогда как часть религиозно-философских кружков всё заметнее тяготела к церковности и общинной жизни.

На материале «Вторников» и «Воскресений» прослежены изменения состава участников, идейных установок и форм общения. Выделены два этапа истории объединения, связанные с деятельностью «Вторников» в 1917–1923 гг. и

«Воскресений» в 1923–1928 гг. Уточнён вопрос о соотношении «Воскресений» с упоминаемым в источниках братством «Христос и свобода».

В третьем параграфе – *«Формирование образа врага и кампании по разгрому религиозных и религиозно-философских объединений»* рассмотрено, как сужение «границ легального», административное давление и репрессивные кампании сопровождались публичной дискредитацией религиозной самоорганизации. На материале следственных дел православных и старообрядческих братств, религиозно-философских объединений, протестантских и католических общин прослежено, как их религиозная, просветительская и благотворительная деятельность, а также работа с молодёжью представлялись в качестве «контрреволюционной» деятельности и связывались с зарубежными центрами. Сопоставление периодики, следственных материалов и свидетельств участников выявило расхождения между реальной деятельностью объединений и образом «врага», создававшимся в официальном дискурсе. Кампании по разгрому объединений на разных этапах сопровождались публикациями советской печати, в которых они представлялись как социально чуждые, политически опасные и контрреволюционные структуры. Такая трактовка использовалась для обоснования репрессивных мер и способствовала разгрому ряда религиозных и религиозно-философских объединений. К 1932 г. деятельность большинства рассмотренных в работе объединений фактически прекратилась.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы выводы, соотнесённые с целью, задачами и положениями, выносимыми на защиту.

1. Религиозные и религиозно-философские объединения Петрограда–Ленинграда 1917–1932 гг. рассмотрены как единый, хотя и внутренне неоднородный феномен духовной самоорганизации. В исследовании конкретизировано содержание категорий «границы легального», «трансформация» и «образ врага». При анализе учитывались возможности и ограничения каждой группы источников. Нормативные акты, внутрицерковные документы, периодика, источники личного происхождения, материалы объединений и следственные дела сопоставлялись с учётом фрагментарности сохранившихся сведений. При работе

со следственными материалами фактические данные отделялись от обвинительных интерпретаций.

2. Послереволюционная религиозная самоорганизация имела дореволюционные истоки. Объединения опирались на существовавшие в Петербурге конца XIX — начала XX в. практики кружкового, братского, просветительского и религиозно-интеллектуального общения. Послереволюционные объединения сохраняли связь с прежними формами духовной самоорганизации, но в новых исторических условиях менялись их устройство, задачи и направления деятельности. На развитие объединений влияла специфика Петрограда–Ленинграда как крупного многоконфессионального, интеллектуального и церковного центра. Духовная и культурная среда города, разветвлённая сеть неформальных объединений и его положение после переноса столицы способствовали более длительному сохранению публичных и полупубличных форм религиозной самоорганизации. Исторические и социокультурные предпосылки возникновения объединений были связаны как с дореволюционным опытом самоорганизации, так и с особенностями городской среды Петрограда–Ленинграда.

3. Подъём религиозных и религиозно-философских объединений в Петрограде–Ленинграде в 1917 г. — начале 1920-х гг. проявлялся в распространении братств, союзов, обществ, кружков и иных объединений. При различии конфессиональной принадлежности, состава участников и исходных задач эти объединения создавали пространства религиозного общения, взаимопомощи, просвещения, совместного осмысления происходивших перемен и сохранения религиозной традиции. Сохранявшиеся в первые послереволюционные годы возможности для открытой деятельности способствовали развитию этих инициатив, однако уже в 1920-е гг. они столкнулись с административным давлением, правовыми ограничениями и сужением пространства для легальной деятельности.

4. На возникновение религиозных и религиозно-философских объединений воздействовали политико-правовые, социально-экономические,

внутриконфессиональные и культурно-просветительские факторы. Определяющее значение имели изменения политико-правового режима и государственной религиозной политики. После Февральской революции пространство религиозной инициативы временно расширилось. Последствия Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, разрухи и голода усилили потребность в духовной поддержке, взаимопомощи и поиске смысловых опор. Внутрицерковные и конфессиональные процессы стимулировали активность мирян и поиск новых форм церковно-общественной самоорганизации. Культурно-просветительские инициативы интеллигенции, её участие в кружковом движении и стремление сохранить традиции русской религиозной мысли способствовали формированию объединений, в которых духовный поиск соединялся с просветительской и мировоззренческой работой и устойчивыми формами внутреннего общения. Сопоставление этих факторов позволило выявить общие и специфические причины возникновения рассматриваемых объединений.

5. Государственная религиозная политика ограничивала деятельность объединений и одновременно определяла направления их внутренней трансформации и последующего свёртывания. Последовательное сужение «границ легального», усложнение регистрационного режима, ограничения на благотворительность, катехизацию, религиозное воспитание детей и молодёжи, усиление административного контроля и репрессивные кампании лишали объединения значительной части прежних функций и вытесняли их деятельность в полулегальное или подпольное пространство. Трансформация затрагивала несколько уровней. На организационном уровне сокращалась публичность, менялись формы собраний, перестраивались внутренние связи, усиливались закрытость и конспиративные меры. На функциональном уровне объединения стремились сохранить в непубличных практиках те направления церковной, просветительской, благотворительной и общинной жизни, которые вытеснялись из открытого пространства. На идейно-мотивационном уровне возрастало значение верности религиозной традиции, духовной преемственности, взаимной поддержки и сохранения общинных связей в условиях внешнего давления. Важным

механизмом этого давления стало формирование «образа врага». Кампании по разгрому объединений нередко предварялись и сопровождались публикациями на страницах советской печати, в которых братства, кружки, общества и собрания представлялись как социально чуждые, политически опасные и контрреволюционные структуры. В результате к 1932 г. деятельность большинства известных религиозных и религиозно-философских объединений была фактически прекращена.

Результаты диссертации уточняют представление о религиозной жизни Петрограда–Ленинграда в первые десятилетия советской власти. Религиозные и религиозно-философские объединения 1917–1932 гг. были значимым явлением общественной и духовной жизни. Рассмотрение истории этих объединений позволяет проследить воздействие государственной религиозной политики и одновременно учитывать мотивы и внутреннюю логику развития самих объединений. В работе рассмотрены предпосылки и факторы их возникновения, направления трансформации, изменения «границ легального» и формирование «образа врага». Это позволяет уточнить место религиозной самоорганизации в жизни раннесоветского общества первой трети XX в.

Дальнейшее изучение темы может быть связано с сопоставлением петроградско-ленинградского материала с другими крупными городскими центрами, более подробным исследованием католических, протестантских и старообрядческих объединений, анализом социального, возрастного и профессионального состава участников и изучением преемственности между религиозной жизнью 1930-х гг. и более поздними формами религиозной самоорганизации второй половины XX в.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Кашин В.М. «Вторники» и «Воскресенья»: к вопросу о существовании братства «Христос и свобода» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. — 2024. — Вып. 116. — С. 79–92.

2. Кашин В.М. Возникновение и начальный этап деятельности нижегородского Спасо-Преображенского братства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — № 1. — С. 7–13.

3. Кашин В.М. Изменения в религиозной политике советской власти 1918–1932 гг.: на примере православных братств Петрограда–Ленинграда // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2023. — Т. 13. Вып. 11 (104). — С. 4482–4491.

4. Кашин В.М. Формирование «образа врага»: на примере религиозных и религиозно-философских объединений Петрограда–Ленинграда в 1920-е гг. // Человеческий капитал. — 2024. — № 9 (189). — С. 30–39.

Статьи в других научных изданиях:

1. Кашин В.М. Дело петроградских братств как индикатор изменений в религиозной политике советской власти // Пироговские чтения: материалы XXVII научной конференции студентов и молодых исследователей. — 2021. — С. 161–166.

2. Кашин В.М. Расцвет послереволюционных православных братств в Петрограде // Vita memoriae: Теория и практики исторических исследований. — 2021. — С. 127–130.

3. Кашин В.М. Религиозные объединения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы: православные, старообрядцы, протестанты, католики, мусульмане // Восток и Запад в духовной культуре России: диалог и противостояние (от Александра Невского до наших дней): сборник статей. — 2021. — С. 309–324.